

УДК 81.42

КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВАЯ КАТЕГОРИЯ «ДРУЖБА»

Елена Петровна Карзенкова

старший преподаватель кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, Букирева, 15. karzenkova_e@mail.ru

В статье эксплицируется понятие *коммуникативно-речевая категория*. Прослежены истоки этого понятия в работах М.М.Бахтина и современных исследованиях. На материале эпистолярных текстов проанализированы особенности речевой объективации коммуникативного чувства дружбы, рассмотрены тематические и тектонические средства формирования соответствующей речевой категории. Нормы дружеского поведения, как показано в статье, определяют средства, используемые в текстовой деятельности. В смысловой структуре дружеских писем отражаются взаимная привязанность коммуникантов, общность их интересов, установка на интеллектуальное и духовное взаимообогащение.

Ключевые слова: коммуникативно-речевая категория; категории лингвистики; дружеский дискурс; психологические категории; эпистолярный жанр.

Под *коммуникативно-речевой категорией* мы понимаем потенциальную систему коммуникативных средств, используемых при создании текста в какой-либо типовой ситуации речевого взаимодействия. Говоря о системе коммуникативных средств, мы имеем в виду тематические, композиционные и собственно языковые единицы (о широком значении понятия *средство* см.: [Чунаева 1979: 37–38]). Композиция текста во многом определяется выбором и расположением тектонических единиц. Под тектоническими средствами, вслед за К.Гаузенбласом, мы подразумеваем приемы стилизации высказывания, т.е. как «разнообразные (неграмматические) способы отбора и комбинации языковых и тематических средств» [Гаузенблас 1967: 73], так и приемы «стилизации» и «композиции» высказывания [там же] и организации текста.

Представленное понимание *коммуникативно-речевой категории* основывается на ключевых положениях лингвистической теории М.М.Бахтина. Еще в конце двадцатых годов минувшего века ученый писал: «Методологически обоснованный порядок изучения языка должен быть таков: 1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи со взаимодействием, элементами которого они являются, т.е. определяемые речевым взаимодействием жанры речевых выступлений в жизни и в идео-

логическом творчестве; 3) исходя отсюда, переосмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке» [Бахтин 1993: 105].

Как видим, речевые жанры рассматриваются ученым в их детерминированности формами (типами) речевого взаимодействия. Речевой жанр, по М.М.Бахтину, является композиционным, тематическим и стилистическим типом высказывания (текста). Сам же процесс продуцирования текста, относящегося к тому или иному речевому жанру, осуществляется в ходе реализации некоторой жанровой формы, иначе говоря, в процессе актуализации типовых композиционных и тематических моделей, выбора и использования языковых средств. Можно, следовательно, сказать, что *коммуникативно-речевая категория* – это *виртуальный план речевого жанра или некоторой совокупности речевых жанров, сформировавшихся в условиях некоторого типового речевого взаимодействия*.

Изложенное понимание коммуникативно-речевой категории отчасти опирается и на работы И.А.Стернина и К.М.Шилихиной [Стернин 2000; Стернин, Шилихина 2001], а также речеведческую теорию М.Н.Кожинной [Кожина 1983; Кожина 1998].

Согласно И.А.Стернину и К.М.Шилихиной, коммуникативные категории – это «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [Стернин, Шилихина 2001: 34].

Наше понимание коммуникативно-речевой категории, думается, не входит в противоречие с концепцией указанных авторов, поскольку коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении, всегда соотнесены с теми или иными формами речевого взаимодействия (в большей или меньшей степени обобщаемыми в ходе исследования).

Модель описания коммуникативных категорий, предложенная И.А.Стерниным и К.М.Шилихиной, представляется весьма продуктивной. Они различают: бытийный, рефлексивный и духовный уровни рассмотрения категорий. На рефлексивном уровне могут быть выявлены структура коммуникативной категории как элемента концептосферы и ее связи с другими категориями в сознании человека. На бытийном уровне коммуникативная категория характеризуется исполнением определенных правил и предписаний, диктуемых данной категорией, когда имеется в виду непосредственная коммуникативная практика: не «как надо», а «как на самом деле делается». Духовный уровень предполагает изучение значимости той или иной категории для духовности, духовной культуры народа или человечества, а также принадлежность конкретной категории к национальным и/или общечеловеческим ценностям [там же: 35–37].

К числу теоретических предпосылок нашего исследования относится и концепция функциональных семантико-стилистических категорий, разработанная М.Н.Кожиной. «Под функциональной семантико-стилистической категорией, – пишет автор, – понимается система разноуровневых средств (включая текстовые), объединенных функционально-семантически на текстовой плоскости (в целом тексте, типе текстов одного функционального стиля), то есть выполняющих в тексте какую-либо определенную функцию, реализующую тот или иной категориальный признак данного текста как представителя соответствующего функционального стиля» [Кожина 1998: 10–11]. От категорий функциональной грамматики [Бондарко 1971; 1980] функциональные семантико-стилистические категории отличаются тем, что они характеризуют не строй языка, а систему речи. В концепции М.Н.Кожиной акцент делается на закономерностях выбора и использования языковых единиц в процессе актуализации того или иного типологического признака текста. Ср. продуктивное развитие этих теоретических представлений в работах Т.В.Матвеевой [Матвеева 1990].

Таким образом, понимая коммуникативно-речевую категорию как многоплановый феномен, как виртуальную систему композиционных, тематических и языковых средств, реализуемых

при создании текста (высказывания) в условиях типового социального взаимодействия, считаем целесообразным изучение этой категории на рефлексивном, бытийном и духовном уровнях (И.А.Стернин, К.М.Шилихина), а также выявление закономерностей собственно языковой актуализации типологических признаков текста как единицы общения (И.Р.Гальперин, М.Н.Кожина, Т.В.Матвеева).

На наш взгляд, при изучении системы коммуникативно-речевых категорий целесообразно исходить из представлений о структуре коммуникации. Поддерживая позицию ряда ученых, мы будем рассматривать речевое общение как вид деятельности и как взаимодействие [Бахтин 1993; Леонтьев 1975; Леонтьев 2008: 18; Панферов 1971: 126–127; Руденский 1998 и др.]. В социальной психологии, а также в социо- и психолингвистике принято различать межличностное и социально-ролевое общение. Социально ориентированная коммуникация (термин Б.Х.Бгажнокова, А.А.Леонтьева, Е.В.Руденского) имеет безличный характер. Ее сущность «не во взаимодействии конкретных личностей, но, скорее, во взаимодействии социальных ролей», тогда как **межличностные отношения основываются на чувствах**, рождающихся у людей по отношению друг к другу [Андреева 2009: 71–72]. Некоторые исследователи пользуются иной терминологией, называя такого рода отношения **лично ориентированным типом общения** [Бгажноков 1973, Леонтьев 2008, Руденский 1998 и др.].

Исходя из этих положений, мы разделяем коммуникативно-речевые категории на два класса: категории межличностного (лично ориентированного) и социально-ролевого (социально ориентированного) взаимодействия. Изучение последних может опираться, как уже указывалось [Карзенкова, Салимовский 2005], на типологию социальных ролей. Что же касается категорий, отражающих разные виды лично ориентированных (межличностных) взаимодействий, то их, на наш взгляд, целесообразно типологизировать в соответствии с классификацией нравственных (коммуникативных) чувств. Будем исходить из того, что коммуникативные чувства делятся на конъюнктивные и дизъюнктивные. Дизъюнктивные чувства разъединяют людей: другая сторона в общении воспринимается как неприемлемая. Конъюнктивные же чувства являются объединяющими, «другая сторона общения выступает как желаемый объект, по отношению к которому демонстрируется готовность к сотрудничеству, к совместным действиям и т.д.» [Андреева 2009: 73].

В соответствии с этим могут быть выделены конъюнктивные и дизъюнктивные категории личностно ориентированного речевого взаимодействия. Дальнейшая же их типологизация может опираться на различие соответственно конъюнктивных и дизъюнктивных чувств [там же: 73–74, 131–133]. В результате среди конъюнктивных коммуникативно-речевых категорий могут быть предположительно названы категории *неприязни, вражды, ненависти*, а среди конъюнктивных – *симпатии, дружбы, любви*.

Перейдем к обоснованию статуса феномена дружбы как коммуникативно-речевой категории.

Материалом для анализа послужили опубликованные дружеские письма известных писателей, художников, композиторов, ученых.

Рефлексивный аспект понятия *дружба* весьма полно изучен в психологической литературе. А.В.Петровский, в частности, эксплицирует представления о комплексном чувстве дружбы в главе «Категории психологии» своего учебника [Петровский 2001], но при этом он, к сожалению, не раскрывает содержания понятия “коммуникативная категория”.

Дружба, как пишет ученый, это «устойчивая индивидуально-избирательная система взаимоотношений и взаимодействия, характеризующаяся взаимной привязанностью, высокой степенью удовлетворения от общения друг с другом, взаимными ожиданиями ответных чувств и предпочтительности» [там же: 253]. Обратим внимание на то, что в основе понятия *дружба* лежит «система взаимоотношений и взаимодействия».

Подчеркнем, что именно типы социального речевого взаимодействия являются основополагающими в формировании норм порождения текстов – его содержательно-смыслового и собственно речевого плана (ср.: приведенные выше положения М.М.Бахтина о методологии лингвистического исследования).

Нормы дружеского поведения, реализующиеся в поступках человека, в том числе речевых, А.В.Петровский называет «кодексом дружбы». Этот «кодекс» диктует друзьям стремление к взаимопониманию, а также откровенность, открытость, доверительность, активную взаимопомощь, взаимный интерес к делам (заинтересованность в успехе друг друга), искренность и бескорыстие чувств [Петровский 2001: 244, 253].

Р.С.Немов дополняет этот «кодекс» указанием на преданность коммуникантов друг другу, общность их интересов, постоянную готовность к взаимопомощи. Существенно замечание автора о разноплановых целеустановках дружеских действий: деловых, эмоциональных (предполагающих получение удовольствия от общения и эмоциональную поддержку друг друга), рациональ-

ных (направленных на взаимное интеллектуальное обогащение) и нравственных (вызванных потребностью в развитии, совершенствовании личностных качеств друг друга) [Немов 2001: 602].

Обобщая отечественные и зарубежные исследования по психологии чувств, И.С.Кон подчеркивает, что для дружбы необходимо «наличие совместной деятельности и общих интересов, эмоциональное сопереживание, самораскрытие, уподобление себя другу, ... друга себе, самораскрытие в другом» [Кон 1989: 141]. «Кодекс дружбы» И.С.Кон называет «неписаными правилами дружбы», разделяя их на четыре группы: обмен, интимность, отношение к третьим лицам, координация [там же: 159]. Заметим также, что их описание дано как перечисление действий друзей, тем самым дружба предстает в исследованиях И.С.Кона как деятельность. Примеры дружеских действий: делиться новостями; выказывать эмоциональную поддержку; добровольно помогать в случае нужды; стараться, чтоб другу было приятно в твоём обществе; защищать друга в его отсутствие; быть терпимым к другим друзьям; сохранять доверенные тайны; уважать внутренний мир и автономию друга [там же]. Аналогична позиция и других исследователей [Аргайл 2008; Ильин 2007: 232–324 и др.]. Большое значение в осуществлении дружеских отношений придается, в частности, межличностной компетенции, т.е. «освоению индивидом навыков общения, умению завязывать знакомство, раскрыться и понимать других» [Кон 1989: 148], что подчеркивает личностную ориентацию дружбы.

Нужно отметить, что *рефлексивный аспект* при изучении дружбы весьма близок *бытийному аспекту*. Друзья и на деле стремятся следовать «неписаным правилам». Дело в том, что для некоторых коммуникативных категорий (например, для категории толерантности) различение этих аспектов совершенно необходимо. Так, коммуниканты могут иметь представление о толерантном общении (рефлексивный план), однако практики толерантного поведения в нашем обществе (бытийный план) еще не сложились (см.: [Стерин, Шилихина, 2001]).

Между тем наш анализ показывает, что реальное речевое взаимодействие людей, находящихся в дружеских отношениях, вполне соответствует утвердившимся в обществе представлениям о дружбе.

Что касается *духовного уровня* рассматриваемой коммуникативно-речевой категории, то его важность удачно подчеркнута, в частности, М.Аргайлом, подводящим итоги экспериментальных исследований: «...мы обнаруживаем три

направления замера степени удовлетворенности: материальная (осязаемая) помощь, эмоциональная поддержка и общность интересов» [Аргайл 2008: 315]; дружба занимает второе место по значимости (после семейных отношений) среди показателей удовлетворенности жизнью [там же].

Анализ показывает, что важнейшие признаки концепта *дружба*, запечатленные в кодексе дружеского поведения, обуславливают тематику порождаемых текстов. Актуализация микротем осуществляется с помощью различных тектонических приемов и во многом определяет репертуар используемых языковых средств.

Рассмотрим, например, текстовый фрагмент из письма В.К.Кюхельбекера к А.С.Пушкину: *Любезный друг Александр <...> наконец опять случай написать тебе: часто я думаю о вас, мои друзья; но увидеться в вами надежды нет как нет; от тебя, т.е. из твоей псковской деревни до моего Помфрета, правда, не далеко; но я и думать боюсь, чтоб ты ко мне приехал... а сердце голодно: хотелось бы хоть взглянуть на тебя<...>*

Я слышал, Друг, что Ты женишься: правда ли? Если она стоит тебя, рад <...> Да, любезный, поговаривают уже о старости и нашей: волос у меня уже крепко с русого сбивается на серо-немецкий; год, два, и Амигдал процветет на голове моей <...> Мой черный демон отразился в «Ижорском»: светлый – в произведении, которое назвать боюсь, но, по моему мнению, оно и оригинальнее и лучше «Ижорского»<...> даже в чисто светском отношении <...> Сделай, друг, милость, напиши мне; удался ли мой «Ижорский» или нет? У меня нет здесь судей <...> как всегда любил; но за твою «Полтаву» уважаю, сколько только можно уважать...Ты набалован бессмысленными охами и ахами! которые воздвигают вокруг тебя люди <...> Но я уверен, что ты презираешь их глупое удивление наравне с их бранью <...> Вообще я мало переменялся: те же причуды, те же странности и чуть ли не тот же образ мыслей, что в Лицее! Стар я только стал, больно стар и потому-то туп: учиться уже не мое дело – греческий в отставку <...> (Переписка Пушкина, 241–245).

Нетрудно заметить, что письмо начинается высказываниями, обнаруживающими взаимную привязанность коммуникантов: *часто я думаю о вас, мои друзья, но увидеться с вами; хотелось бы хоть взглянуть на тебя...* Далее выражается преданность автора письма адресату, забота о нем: *Я слышал друг, что ты женишься... если она достойна тебя, рад...* Значительный фрагмент письма обнаруживает общность интересов коммуникантов как людей творческих, для кото-

рых творчество («писательство») является важнейшей составляющей их жизни: *Мой черный демон отразился в «Ижорском»* и под. Выражена, кроме того, установка на взаимное интеллектуальное обогащение (*напиши мне, удался ли мой «Ижорский» или нет?*), а также на совершенствование личностных качеств друг друга (*Но я уверен, что ты презираешь их глупое удивление наравне с их бранью*).

Адресант, сообщая информацию, важную для него и для адресата, реализует как деловые, так и эмоциональные целеустановки; последние предполагают получение удовольствия от общения, для чего использованы шутки, самоирония: *волос у меня уже крепко с русого сбивается на серо-немецкий; год, два, и Амигдал процветет на главе моей* и под. К тому же в ироническом контексте обнаруживается доверительность и открытость коммуникантов (*Стар я только стал, больно стар и потому-то туп* и под.).

Как видим, текст письма весьма последовательно подчиняется указанной дискурсивной закономерности: его развертывание определено выражением смысловых признаков, которые отсылают нас к «кодексу дружбы».

Кв.Кожевникова относит частные письма к числу свободных жанров. По ее мнению, содержание писем «не поддается никакой строгой заданности со стороны жанра и коммуникативной сферы (частная переписка, большинство жанров художественных произведений)» [Кожевникова 1979: 53]. Конечно, в личных письмах, в том числе дружеских, может сообщаться в принципе любая информация. Между тем в действительности круг характерных тем дружеского письма достаточно определен. Это прежде всего факты, обнаруживающие дружескую привязанность, проявление взаимной заботы; события, мнения, живо интересующие обоих друзей и объединяющие их.

Жанровая форма дружеского письма, несомненно, является достаточно гибкой, организуемые ею подтемы могут располагаться в различной последовательности, характеризоваться разной степенью развернутости. Тем не менее вероятность актуализации в тексте именно указанных тематических элементов, а не каких-либо других, очень велика. Эти элементы закономерно детерминированы свойствами коммуникативного чувства дружбы, дружеских взаимоотношений.

Важно отметить, что для дружеского письма характерен определенный репертуар тектонических средств (приемов), обусловленный опять-таки спецификой дружбы как коммуникативного чувства.

Так, в дружеских письмах личность друга нередко «укрупняется», его достоинства гипербо-

лизируются: *Когда вспомнишь весь великий объем вашей жизненной работы, весь ее несравненный жизненный охват для благодарности не найдешь слов; ваша поэзия, которой мы все избалованы и незаслуженно задарены...* (Мандельштам, 554).

Кроме того, автор дружеского письма обычно склонен преуменьшать собственные достоинства, прибегать к приему мейозиса (литоты): [мой] рассказы очень скучны и нудны, как осень, однообразны по тону, и художественные элементы в них густо перемешаны с медицинскими (Переписка Чехова, 7); *Ответа от Вас я, конечно, не жду, потому что я ведь только Думский писец, а Вы – известный писатель* (там же, 17) и др.

К приему мейозиса нередко присоединяется самоирония: [мой] рассказы очень скучны и нудны, как осень, однообразны (там же, 7); *Ради бога, облегчи меня: вот уже второй день, что меня пучит и пучит стих* (Переписка Пушкина, 182) и под.

Следует отметить, что в дружеской переписке регулярно реализуется установка на «развлечение» собеседника (ср. данные исследований М.Аргайла и М.Хендерсона: надо «стараться, чтобы другу было приятно в твоём обществе» – цит. по: [Ильин 2007: 323]); тем самым друг получает так необходимую ему эмоциональную поддержку, что соответствует «правилам дружбы» [Аргайл 2008: 315].

В связи с этим анализируемым текстам присущ юмор. Ср.: *Женатый коллега! Хотя Вам теперь и не до приятелей и не до их писем, но тем не менее спешу сдержать обещание – шлю вырезку из газеты <...> До сих пор еще не пришел в чувство после Татьяны [невесты адресата] <...> я налесабонился важно, не щадя живота. В результате пустое портмоне, переменные калоши, тяжёлая голова, мальчики в глазах. Отчаянный пессимизм. Нет, надо жениться* (Чехов 1930: 131) и под.

Подведем некоторые итоги.

В процессе развития функционально-коммуникативного направления современной лингвистики активизировался интерес к проблематике лингвистических категорий. Разрабатываются концепции функционально-семантических, текстовых и семантико-стилистических категорий (см. работы: А.В.Бондарко, И.Р.Гальперина, М.Н.Кожинной и др.). Имеются первые опыты изучения категорий речевого общения (И.А.Стернин, В.А.Салимовский и др.). В качестве предварительного предлагаем определение коммуникативно-речевой категории как потенциальной системы коммуникативных средств, используе-

мых при создании текстов в той или иной ситуации речевого взаимодействия.

По принадлежности к межличностному или социально-ролевому общению коммуникативно-речевые категории могут быть разделены на два класса: категории личностно ориентированного и социально-ролевого взаимодействия. По их роли в адаптации индивида к ситуации – на категории дизъюнктивные и конъюнктивные.

В статье рассмотрены характерные особенности коммуникативно-речевой категории *дружба*. Используемые в текстовой деятельности тематические и тектонические средства во многом определяются нормами дружеского поведения, запечатленными в неписаном «кодексе дружбы». Так, в дружеских письмах регулярно обнаруживаются взаимная привязанность коммуникантов, общность их интересов, интеллектуальное и духовное взаимообогащение и другие типовые смыслы. Чувство дружбы определяет юмористическую тональность сообщений и состав тектонических приемов (гипербола, литота, самоирония и др.).

Список источников

- Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений: в 4 т. Т.3–4: Очерки. Письма. М.: Терра-Терра, 1991. 618 с.
- Переписка А.С.Пушкина: в 2 т. Т.2. М.: Худож. лит., 1982. 576 с.
- Переписка А.П.Чехова: в 2 т. Т.2. М.: Худож. лит., 1984. 436 с.
- Чехов А.П.* Неизданные письма. М.; Л.: Госиздат, 1930. 240 с.

Список литературы

- Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2009. 363 с.
- Аргайл М.* Психология счастья // Психология эмоций. М.; СПб.; Нижн. Новгород: Питер, 2008. С.314–337.
- Бахтин М.М.* Под маской. Маска третья // Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М., 1993. 192 с.
- Бгажноков Б.Х.* Психолингвистические проблемы речевого общения (личностно и социально ориентированное речевое общение): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1973. 24 с.
- Бондарко А.В.* Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 116 с.
- Бондарко А.В.* Коммуникативная грамматика. М.: Наука, 1980.
- Гаузенблас К.К.* К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // ВЯ. 1967. №5. С.69–75.
- Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. М.; СПб.; Нижн. Новгород: Питер, 2007. 784 с.

Карзенкова Е.П., Салимовский В.А. К экспликации понятия коммуникативной категории // Стереотипность и творчество в тексте: по матер. Междунар. науч. конф. / отв. ред. М.П.Котюрова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. С.98–104.

Кожевникова Кв. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С.49–67.

Кожина М.Н. Общая характеристика текстовых категорий в функционально-стилевом аспекте (применительно к научной сфере общения) // Очерки истории научного стиля русского литературного языка. Т. II: Стилистика научного текста (общие параметры). Ч. 2: Категории научного текста: функционально-стилистический аспект / под общ. ред. М.Н.Кожинной. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. С.3–15.

Кожина М.Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями // Структура лингвистики и ее основные категории / Перм. ун-т. Пермь, 1983. С.15–24.

Кон И.С. Дружба: этико-психологический очерк. М.: Изд-во полит. лит., 1989, 352 с.

Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, АCADEMIA, 2008. 368 с.

Леонтьев А.А. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М.: Мысль, 1975. 256 с.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. 172с.

Немов Р.С. Дружба // Немов Р.С. Психология в 3 кн. Кн.1: Общие основы психологии. М.: Владос, 2001. С.601–604.

Панфёров В.Н. Психология общения // Вопр. философии. 1971. № 7. С.126.

Петровский А.В. Категории психологии: Дружеское общение // Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. М.: АCADEMIA, 2001. С.253–255.

Руденский Е.В. Социальная психология: курс лекций. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭиУ, 1998. 224 с.

Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С.4–20.

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Истоки, 2001. 136 с.

Чунаева А.А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 147 с.

COMMUNICATIVE AND SPEECH CATEGORY OF “FRIENDSHIP”

Elena P. Karzenkova

Senior Teacher of General and Slavonic Linguistics Department

Perm State University

The article deals with the concept of the communicative speech category *friendship*. Sources of the concept are traced back to the works by M. Bakhtin and some modern researchers. On the data of epistolary texts specificity of verbal manifestation of amicable feeling is analysed, thematic and tectonic means of formation of the category are examined. It is shown that norms of friendly behavior determine a choice and use of linguistic means in text production. Sense structures of epistolary texts reflect mutual affection of communicators, commonality of their interests and mutual intention to be enriched intellectually and spiritually.

Key words: communicative speech category; linguistic categories; friendship discourse; psychological categories; epistolary genre.